

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И КОНТЕКСТ: СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТТОТАЛИТАРНОЙ СРЕДЕ*

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института проблем занятости РАН. Постоянный автор нашего журнала.

Актуальность концептуализации сопряженной динамики инвайронментального движения и его контекста в России объясняется рядом обстоятельств. В западной социологической литературе по новым социальным, в частности, инвайронментальным движениям эта проблема в таком виде практически никогда не рассматривалась. Отдельные стороны контекста изучались лишь постольку, поскольку они способствовали или препятствовали их развитию. Чаще всего рассматривали взаимоотношения движения и государства, других независимых социальных акторов, роль общественного мнения в динамике социальных движений. Более всего исследователей привлекает политический контекст движений, их взаимодействие с партиями и государственными институтами, формирование парламентских лобби и т.п. [1,2].

Такая ситуация вполне объяснима, ибо несмотря на постоянные изменения, конституирующие элементы западного общества остаются неизменными (частная собственность, рыночная экономика, легитимные институты власти, развитое гражданское общество). Когда например, развитие некоторых социальных движений интерпретируется в терминах теории мобилизации ресурсов, имплицитно исходят из предпосылки, что таковые ресурсы в обществе всегда есть, а исследовательская задача заключается только в выявлении способов их мобилизации [3].

В среде западных социологов сформировалась устойчивая традиция описывать процесс возникновения гражданского общества в посттоталитарных режимах в терминах парадигм, разработанных применительно к условиям западных демократий. Если в отношении Польши, Венгрии и некоторых других стран Центральной Европы этот методологический ход в какой-то степени работает, то попытки «наложить» концепции гражданского общества, разработанные западной социологией, на российскую действительность терпят крах, несмотря на то, что между инвайронментальными движениями на Западе и Востоке действительно есть сходство.

Гражданское общество в России формируется, а отнюдь не возрождается или «оживляется». Этот процесс идет в условиях качественно иного экономического и социального контекста, нежели на Западе. Достаточно напомнить, что у нас до сих пор нет частной собственности и соответствующих институтов, а ячейки независимого социального действия формировались в недрах тоталитарной системы. Что одно дело — созидание этого общества в условиях становления и эволюции капиталистических отношений, а совсем другое — в контексте коллапса экономической и политической системы, общей политической нестабильности и растущей зависимости российского общества от мирового экономического и социального порядка.

В данной статье мы попытаемся изложить наше видение проблемы контекста и его взаимоотношений с независимыми социальными акторами в том числе с инвайронментальным движением. Мы рассмотрим, как складывались отношения экологического движения с тоталитарным режимом, представим динамику отношений рассматри-

---

*Переработанный вариант доклада на названном симпозиуме.

ваемого движения [Ibid.] с меняющимся контекстом, и на основе материалов Проекта¹ проведем детальный анализ взаимодействия отдельных групп движения с разными типами контекстов. Рассуждения будут идти в русле «интервенционистской социологии» [4] в том смысле, что их конечной целью станет содействие развитию экологического движения.

Социальный актор и контекст: общие положения

Анализируя поведение различных социальных акторов, можно утверждать, что у каждого из них есть свой контекст деятельности, причем с изменением ее целей и средств меняется и контекст. В общем виде последний может быть определен как феда жизнедеятельности некоторого социального актора, снабжающая его ресурсами или же, напротив, требующая от него их расходования [5].

Трактуемый таким образом, контекст удобно представить как континуум ресурсов, расположенных на некоторой «оси доступности». На одном ее конце находятся «внутренние ресурсы» данного социального актора — те, которые в его распоряжении и могут быть использованы «автоматически» или же с минимальной затратой сил. Затем идут ресурсы освоенного социального пространства — арсенал знаний и тактических навыков данного актора, его поведенческие программы и другие доступные, то есть при необходимости быстро мобилизуемые людские, финансовые и иные ресурсы. На другом конце «оси» мы поместили «ресурсы-условия», которые социальный актор должен учитывать в своей деятельности, поскольку быстро изменить их не способен [6]. В последнем случае контекст может быть представлен как совокупность «катализаторов» или «блокаторов», стимулирующих или сдерживающих активность актора.

Вместе с тем понимание контекста как совокупности ресурсов недостаточно. Контекст субъектен, т.е. состоит из других социальных акторов, будь то группы, социальные движения или общественные институты. Они не только могут конкурировать ради дефицитных ресурсов, но чаще всего имеют собственную стратегию в отношении социальных (экологических) движений. Более того, эти другие социальные акторы могут навязывать обществу свое понимание экологической ситуации и свой образ данного социального движения. Последнее особенно существенно в условиях именно посттоталитарных обществ, когда государство все еще сохраняет монополию на средства массовой информации.

Типологически следует различать четыре комбинации актора и контекста: формирующийся и развитый актор в стабильном контексте и таковые же в изменяющемся контексте. В начале перестройки экологические и другие неформальные группы действовали в достаточно стабильном социально-политическом контексте. Протест и есть действие, направленное против сложившегося порядка вещей. Сегодня ситуация совершенно иная: вполне сформировавшиеся акторы ищут ресурсы для своего выживания в условиях быстро трансформирующейся социальной системы.

Конечно, эту схему взаимодействий субъекта и контекста не следует абсолютизировать: в известной степени они всегда взаимопроникающи. Особенно это заметно на начальной и конечной стадиях развития социального движения. На начальной стадии социальный актор чаще всего не подвергает сомнению господствующий в данном обществе взгляд на мир. Более того, протест может быть вызван как раз тем, что актор оценивает действия государства как недостаточно последовательную реализацию доминирующего мировоззрения. На конечной стадии, если конфликт институционализирован, уже сам объект как бы становится частью измененного им контекста.

Иная ситуация с новыми социальными движениями, в том числе инвайронменталь-

---

¹ В статье использованы данные, полученные в рамках российско-французского Проекта «Новые социальные движения России» (рук. А. Турэн, исследовательский коллектив: М. Вивьерка, О. Яницкий, И.Халий).

ными, которые пытаются изменить парадигмальные основы общества, относящиеся к производству ключевых культурных ресурсов (знания, этические: нормы) [7, р. 64]. Здесь актер действует одновременно в двух контекстах, используя ресурсы одной (программы, тактики, финансовые и другие ресурсы) для изменения другой. Сложность заключается в том, что социальный актер должен одновременно дистанцироваться от контекста, на изменение которого направлены его действия; но вместе с тем уметь «говорить на его языке». В этой ситуации социальный актер обречен жить и действовать одновременно в двух культурах, двух различных социальных средах.

Таково современное российское инвайронментальное движение, которое по существу, пребывает одновременно в двух качественно разных контекстах: глобальном, ценностно-нормативным ядром которого является «Новая экологическая парадигма» (НЭП) и российском, где продолжает доминировать идеологема неограниченного экономического роста. Эта ситуация разрыва между ценностно-когнитивным контекстом и контекстом реального социально-политического действия — одновременно и ресурс устойчивости, и причина периодически возникающих кризисов инвайронментального движения. Подробнее об этом мы скажем позже.

Взаимодействие контекста и актора зависит от целей последнего, в частности, от имени кого и во имя чего он действует. В отличие от многих социальных движений, представляющих интересы определенной социальной группы/класса, ситуация с рассматриваемым движением не столь проста. Как совместить задачу сохранения биосферы с целями отдельных групп и целых государств, живущих за счет эксплуатации ее ресурсов? Как перевести эту глобальную цель на язык повседневных политических действий социальных акторов, живущих в условиях технократической цивилизации?

Социальные акторы различны в своих позициях по отношению к контексту. Для одних он — данность, неизменяемое внешнее условие, для других — ресурс для достижения своих целей, для третьих — объект, который должен быть изменен в соответствии с некоторой программой, имеющейся у социального актора.

Экологическое движение и контекст: проблемы дифференциации

По мере развития инвайронментальное движение дифференцируется — как под влиянием внутренней логики этого развития, так и под воздействием изменяющегося контекста [1, 7, 8]. Ранее мы отмечали, что по критерию целей советское экологическое движение уже на начальном этапе перестройки состояло, из «глубоких» инвайронменталистов, «работников» и «жителей» [9]. «Идеальные типы» новых социальных движений могут быть сконструированы по четырем признакам: кто есть актер, какие ценности он разделяет, какими проблемами озабочен и каковы формы и методы его действий [10].

Разделяя в принципе этот подход, мы полагаем, что он недостаточно учитывает «генетическую» составляющую каждого вида экодвижения. С учетом последней, как свидетельствуют результаты упомянутого Проекта, российское экодвижение состоит сегодня из пяти элементов: консервационисты (охранители природы), глубокие экологи, альтернативисты (экоанархисты), гражданские инициативы («жители») и прагматики. Дадим им краткую характеристику.

Консервационисты — это биологи и другие специалисты-профессионалы, озабоченные охраной живой природы. Их кредо — ценности российской университетской интеллигенции начала XX века, культивировавшиеся и передававшиеся по наследству именно этой культурной средой. Как показали новейшие исследования, они не были до конца подавлены сталинским режимом, за что получили название «архипелага свободы» [11]. Форма действия — прежде всего просветительство, экспертиза и использование неформальных связей.

Глубокие экологи — это выходцы из той же среды и носители тех же ценностей, но с гораздо большим гуманистическим пафосом (толстовство, рерихианство). Главное

для них — «мир», гармония человека и природы, достигаемая на путях добровольного самоограничения и использования традиционных форм социальной жизни и технологий. Глубокие экологи — антииндустриалисты, сторонники решения экологических проблем путем переделки человеческого сознания и распространения «экологической этики».

Альтернативисты — новое поколение сторонников анархизма и коммунитаризма. Идеологически они близки глубоким экологам, но резко отличны от них способами действия. Предпочитают радикальные методы борьбы с любыми институтами существующей власти. Мобильны, хорошо интегрированы в международное сообщество своих единомышленников и, напротив, мало связаны с местной социальной и культурной средой.

Гражданские инициативы — это, как и на Западе, деятельность групп активистов, озабоченных проблемами среды своего непосредственного обитания (микрорайон, город). Это гораздо более «советская» культура с сильным акцентом на принципы справедливости (уравнительности) и коллективизма. Родившись повсеместно как группы протеста, эти инициативы тем не менее лояльны по отношению ко всем уровням власти и достаточно охотно с ней сотрудничают.

Наконец, *прагматиками* мы назвали самую многочисленную группу активистов. Их главная отличительная черта — вовлеченность в политический процесс, главный лозунг — «Все экологические проблемы могут быть решены, если власть будет в наших руках». Прагматики являются выходцами из среды городских служащих и, как правило, были активистами уже в доперестроечный период. Они сотрудничают с местными органами представительной и исполнительной власти, а также общественными фондами и организациями, так или иначе инициированными сверху или представляющими собой «демократизированные» общественные организации доперестроечной эпохи.

Несколько слов о структурировании контекста инвайронментального движения. В [5] нами предложена следующая гипотеза. Каждое социальное движение существует и развивается одновременно в трех контекстах: историческом (цивилизационном), микросоциальном и ситуационном.

Контекст-1 — цивилизационный — есть совокупность базовых норм, господствующих в обществе в целом и его основных социальных группах. Это доминирующий взгляд на мир, поскольку содержит постулаты, нормирующие и жизнь общества, и его взаимоотношения с природой. Протестантская этика является наиболее ярким примером такого контекста.

Контекст-2 — микросоциальный — это прежде всего политический режим, в условиях которого возникает социальное движение и который детерминирует нормы экономической, социальной и культурной жизни. В частности он определяет взаимоотношения государства и гражданского общества, «структуру возможностей» [12] для действий некоторого социального актора. Более того, он оказывает воздействие на цивилизационный контекст, подавляя одни и усиленно культивируя другие культурные нормы.

Контекст-3 — ситуационный — это та непосредственная (экономическая, политическая, социальная и природная) среда, в которой возникают социальные движения и от ресурсов которой во многом зависит их дальнейшая судьба. Хотя, как отмечено выше, различные ветви экологического движения по-разному в ней укоренены.

Существует определенное соответствие между предложенным принципом структурирования контекста и разработанной А. Турэнном [7, р. 64] типологией социальных конфликтов, точнее этапами превращения инициатив в социальные движения. В самом деле, протестные акции как форма коллективного поведения обычно порождены местной ситуацией и направлены на ее изменение. Когда некоторый социальный актор включается в психологическую борьбу с целью изменения в свою пользу расстановки политических сил или институционализации своих требований, он необходимо входит в столкновение с господствующим режимом, то есть с Кон-

текстом-2. От «структуры возможностей» действий актора зависит, будет ли данный конфликт институционализирован, или же побудит его к ревизии ценностно-нормативной базы режима. Если происходит последнее, значит мы имеем дело с новым социальным движением, направленным на пересмотр социальной парадигмы, лежащей в основе Контекста-1.

Стадии взаимозависимого развития контекста и движения

Большинство западных авторов, изучавших формирование гражданского общества в СССР, сходятся на мысли, что точкой отсчета этого процесса следует считать начало перестройки, когда горбачевские реформы «сверху», прежде всего гласности, снизили контроль государства над обществом и дали импульс развитию независимого социального действия [12,13]. Существуют четыре стадии взаимоотношений гражданского общества и государства в условиях тоталитарного строя: защитная, эмерджентная, мобилизационная, а также институционализации, причем первые две — результат прямого воздействия коммунистического режима. Что касается двух последних стадий, то они специфичны для каждой постсоциалистической страны «и в значительной степени определяются историческим прецедентом, политической культурой, в особенности способностью общества к организации, а также взаимоотношениями социальных классов, формами национализма и социальным контекстом институционального развития [14].

Наше исследование не подтверждает эту гипотезу. Не подтвердило оно также выделение в советском экологическом движении трех этапов: 60—70-е годы — пассивная фаза, 80-е годы — активная и 90-е — умеренная фаза [15]. Во-первых, эта классификация построена по разным основаниям. Если критерием выделения первого этапа является характер деятельности самых экологических групп, то последние два трактуются как результат изменения контекста, прежде всего политического. Во-вторых, автор хотя и дает спектр основных идеологических течений, внутри движения, все же рассматривает его как единое. В-третьих, он не различает экологические аспекты деятельности различных организаций и экологические аспекты идеологических течений (эколибертаизм, эохристианство). Мы же поступим следующим образом. Дадим характеристику каждому из выделенных контекстов в динамике, и будем последовательно соотносить с ними динамику у каждой из групп, входящих в экологическое движение.

Отношение к доминирующей социальной парадигме

Контекст-1 достаточно полно концептуализируется с помощью введения следующих теоретических конструкторов; доминирующий взгляд на мир (ДВМ) и доминирующая социальная парадигма (ДСП). Главные постулаты современного ДВМ: люди — хозяйева своей судьбы и природы, они могут ставить любые цели и использовать необходимые средства их достижения; ресурсы биосферы безграничны, поэтому средства для реализации целей есть всегда; история человечества есть прогресс, и он бесконечен. Социологи У. Каттон и Р. Данлэп [16] назвали эти постулаты «парадигмой человеческой исключительности» — в сущности это кредо мирового сообщества технократов.

Ключевой момент сегодняшней ДСП — неограниченный экономический рост. В основе этой позиции лежит классическое антропоцентристское мировидение: люди качественно отличны от всех других живых существ, а культура и технология являются главными детерминантами прогресса. Главное же заключается в том, что именно последние определяют прогресс человеческой истории, в то время как биологическая и физическая среда — лишь ресурс и сфера реализации этого прогресса.

За прошедшие восемь лет Контекст-1 почти не изменился, а немногие попытки критического переосмысления ДВМ и ДСП никак не были связаны с обычно

выделенными этапами реформ. В 1985 г. М. Горбачев объявил курс на создание ресурсосберегающей экономики. Однако все вскоре вернулось на свои места. Философия нынешних российских реформаторов и «демократов» и их оппонентов — все та же смесь антропоцентризма и «западного» взгляда на мир.

Каково же отношение разных отрядов движения к Контексту-1? *Консервационисты* по самой своей природе — противники ДВМ и всегда боролись против антропоцентризма и технократической идеологии. Что же касается отношения к ДСП, то под влиянием мировой науки и контактов с международным сообществом экологов, современные консервационисты все более становятся приверженцами НЭП, исходящей из ограниченности возможностей биосферы и проповедующей равенство всего живого.

Позиция глубоких экологов сходна с первой с той лишь разницей, что их критика носит главным образом этический характер (мотив ответственности перед будущими поколениями). Мировоззрение глубоких экологов, укорененное в мировых религиях, практически не подвержено изменениям политической ситуации.

Ценностная позиция *альтернативистов* — явно выраженная «Новая экологическая парадигма», с особым упором на отрицание государства, децентрализацию производства и расселения. Российские альтернативисты — идеологически наиболее фундаментальная ветвь движения, укорененная в современных разновидностях западноевропейского анархизма и коммунитаризма. Образ мыслей и действий эко-анархистов Запада — их референтная группа. Процесс демократизации лишь облегчил действия альтернативистов, но отнюдь не изменил их мировоззрения.

Гражданские инициативы, возникшие как реакция на ухудшение среды их непосредственного обитания, не имеют собственной идеологической доктрины, и эволюция их взглядов связана с этапами развития макросоциальной ситуации. В 1985—1991 г. инициативы были в целом индифферентны к проблемам ДВМ и ДСП. В отдельных случаях позиция активистов носила противоречивый характер: критика частных элементов ДСП сочеталась с ее принятием в целом. Так, многие активисты, критикуя технократизм экологической политики государства, одновременно стремились помочь ее органам совершенствовать природоохранную работу аппаратных структур. Поэтому их можно считать типичными носителями советской культуры. Резкий слом культурной ориентации членов местных инициатив наступил отнюдь не в связи с августовским кризисом 1991 г. и распадом СССР. Он наступил когда эти люди осознали, что пришедшие к власти силы являются открытыми приверженцами старой ДСП. С этого момента члены инициатив становятся ярыми ее критиками, однако без выдвижения осмысленных альтернатив.

Прагматики — это члены гражданских инициатив, ставшие политиками главным образом на местном уровне, в период 1989—1990 гг. Следовательно, их мировоззренческие позиции также противоречивы. Больше того, полагая, что «политика решает все», они вообще индифферентны и даже враждебны любым теоретическим аргументам. Политическая борьба стала для них самоценной. Как и члены местных групп, сегодня они вдруг открыли для себя главного врага — «промпартию» — союз новых демократов и прежних директоров промышленных предприятий. Прагматики поняли, что «промпартия» — носитель прежней ДСП, но в силу вовлеченности в политическую борьбу у них нет программы преобразования общества.

Движение и государство

Исследовательские подходы, подобные предложенному Гамсоном [17], типологизирующие отношения независимых социальных акторов и государства (от репрессий до полной легитимизации целей акторов и их институционализации), имеют в российских условиях ограниченную годность, так как исходят из наличия стабильного общества, в котором «правила игры» между государством и акторами четко регламентированы. Вместе с тем и наша модель Контекста-2 как континуума ресурсов

не позволяет уловить те «поворотные точки» во взаимоотношениях движения и государства, которые нас интересуют более всего.

Результаты Проекта и ранее выполненных нами исследований позволяют утверждать, что отношения «актор—контекст» качественно различны для ситуаций стабильного и «переходного» обществ. В наших условиях это различие ситуации господства государства-партии (модель упорядоченной ситуации) и переходного периода (модель ситуации хаоса). Конечно же, эти отношения зависят и от того, имеем ли мы дело со сложившимися или вновь формирующимися социальными акторами.

О первой ситуации написано достаточно много, поэтому мы сосредоточим свое внимание на модели переходного периода. Следующие ее черты представляются нам наиболее существенными:

1) общий кризис легитимности, пренебрежение к закону и неуважение к суду. Растущий конфликт двух новых принципов легитимности: «права сильного» и «принципа справедливости»;

2) распад государства, сопровождающийся попытками прямой конверсии государственных институтов в субъекты гражданского общества путем дикой приватизации. Жестокая конкуренция двух типов субъектов этого общества — «государственников» и низовых инициатив;

3) слабость, некомпетентность и одновременно крайний прагматизм государственной политики (ее высокая рефлексивность, «ситуативность», подчинение целям самосохранения правящей элиты);

4) распад государства, ведущий к утрате механизмов институционализации требований социальных акторов и конфликтов, быстрое формирование сферы вне институциональной политики (политических союзов, групп давления, независимой экспертизы, общественных советов и т.д.);

5) конверсия государственной власти в собственность и формирование на ее основе новой политической силы — «промпартии», то есть союза промышленного директора и новой номенклатуры, появление местных сюзеренов, сосредоточивших в своих руках абсолютную власть над территориями (феномен регионализации власти);

6) конфликт двух стратегий стабилизации: усиления вертикальной исполнительной власти и укрепления горизонтальных связей существующих субъектов производства;

7) общая тенденция к субъективизации контекста: появление множества квазинезависимых экономических и политических акторов, в действительности не имеющих ни необходимых ресурсов, ни социальной базы для выживания. Отсюда две тактики самосохранения: сепаратизм, герметизация, «опора на собственные силы» и интеграция в национальные и международные структуры;

8) отсутствие устоявшихся и цивилизационных «правил игры» между государством и независимыми социальными акторами, регионализация и «прагматизация» нормотворчества, замещение рациональных норм мифами, преобладание политики над культурой.

В целом макросоциальный контекст переходного периода — это совокупность противоречивых моделей общественной жизни, которая, не имея генерализирующей тенденции («вектора») и поэтому не описывается какой-либо парадигмой. Каковы же взаимоотношения с этой ситуацией выделенных нами групп, представляющих инвайронментальное движение?

Консервационисты никогда не вступали в открытый конфликт с государством. Они стремились легитимными средствами либо усовершенствовать его экологическую политику, либо путем коллективных действий препятствовать реализации его наиболее экологически опасных проектов. Соответственно отношение государства к консервационистам колебалось от кооптации этих субъектов к перехвату их инициативы. Консервационисты первыми вошли в структуры новой демократической власти и попали в тупик, поскольку, находясь в меньшинстве, стали ее заложниками, ибо власть ведет все более антиэкологическую политику. Испытанная в условиях господства тоталитарного режима, тактика действий консервационистов («у природы везде должны быть свои люди») в условиях хаоса себя не оправдала. Сегодня в целях

выживания консервационисты пытаются сочетать несколько тактик: «опора на собственные силы» (организация производства интеллектуальных и других ресурсов), опора на национальные и международные экологические структуры, адаптация к условиям местного рынка и потребностям местной власти. В условиях хаоса консервационисты вынуждены расширять диапазон своих целей и стать в конечном счете инвайронменталистами.

Поскольку глубокие экологи никогда не имели своей организации и участвовали в акциях протеста только как жители, да и в организованной политической борьбе в том же качестве, государство никогда не имело в отношении к ним четкой позиции кроме обычных подозрительности и недоверия ко всем, находящимся вне пределов Системы. В 1989—1991 гг. глубокие экологисты, хотя и приветствовали новую демократическую власть, но в ее структуры не входили. Сегодня, в ситуации хаоса, эта группа, до сих пор не имея своей организации и нуждаясь в минимальных ресурсах, с переменным успехом продолжает воспитательную и пропагандистскую деятельность среди населения. Что касается позиции по отношению к правительству, то, с их точки зрения, любая власть аморальна.

В отношении *альтернативистов* государство всегда занимало и продолжает занимать негативную позицию (репрессии, обвинения в подрыве законной власти). В свою очередь альтернативисты, отрицая легитимность и целесообразность государства как социального института, в то же время достаточно последовательно, а подчас цинично, используют отдельные государственные органы в своих интересах, именуя это принципом взаимной выгоды. Они настроены критически по отношению к другим ветвям экодвижения за их оппортунизм, сотрудничество с властями и невнимание к конкретным нуждам населения. Ситуация хаоса практически не изменила стратегии их политического действия, хотя они постоянно подчеркивают, что распад государственной машины отнюдь не равнозначен реализации модели желаемого политического устройства.

Как ни странно, *гражданские инициативы*, будучи с самого начала ядром и основной массой инвайронментального движения, во взаимоотношениях с государством во многом повторяют путь консервационистов, пытаясь соединить протест и сотрудничество с властями разных уровней. Государство ведет себя соответственно, стремясь их «приручить». Как и консервационисты, войдя в новые структуры власти и оказавшись там в меньшинстве, лидеры гражданских инициатив стали заложниками «демократов». Однако сегодня эти лидеры резко изменили свою политическую позицию, став ярыми противниками стоящей, по их мнению, за спиной властных структур «промпартии».

Наконец, *прагматики*. Как отмечалось, будучи выходцами из сред гражданских инициатив, прагматики в целом повторяют ступени их взаимоотношений с государством. Два отличия должны быть отмечены. Появление на политической арене прагматиков есть форма институционализации экологического протеста. Но, как и во всех других случаях, она оказалась формальной. Став частью представительной власти, прагматики очень скоро поняли, что не могут реализовать свои экологические требования. Возникло разочарование, осуществился переход в оппозицию (создание фракций), а затем настало время все более интенсивного поиска союзников и поддержки со стороны других экологических и социальных движений, независимых профсоюзов. Они — политические маргиналы, так как формально они — власть, а по существу — члены оппозиционных режиму движений.

Движение и локальная ситуация

Концептуализация этого отношения применительно к России трудна в силу быстрой изменчивости, подвижности Контекста-3. В нем присутствуют одновременно экономические, политические и социальные факторы: население, местная власть и промышленные предприятия. Справедливо отмечается, [18, 19], что западными социологами последняя сила как правило недооценивается.

Динамика ситуационного контекста весьма противоречива. За годы перестройки

население прошло три фазы: пассивность и неверие, стремительная политизация и рост социальной активности и вновь спад, разочарование, уход в личную жизнь, недоверие к любой политике. Что касается двух других сил, то несмотря на все трансформации и бесконечные организационные перестройки, союз местной власти и «промпартии» остается носителем многих ключевых черт посткоммунистического режима. Более того, ослабление власти государства, политический сепаратизм и номенклатурная приватизация лишь усиливают власть этого режима на местах.

Начав свою природоохранительную деятельность задолго до начала перестройки, консервационисты тем не менее практически не имели контактов с местным населением и очень слабые — с местной властью и промышленниками. Волна гражданских инициатив и подготовка к первым в стране демократическим выборам (1989 г.) положила начало их превращению в инвайронменталистов. Это — принципиальный момент. Однако сегодня позиция консервационистов двойственна. Будучи членами местных структур власти или экспертами, то есть обслуживая ее, они одновременно выступают против «промпартии», которая является союзником местной власти. Двойственна и связь с населением. С одной стороны, консервационисты понимают критическое состояние среды жизни, с другой — дистанцируются от конкретных нужд местного населения, все более вовлекаясь в решение глобальных экологических проблем.

Про глубоких экологов можно сказать примерно то же, но, как отмечалось, во властных структурах они никогда не участвовали. Местная власть продолжает относиться к ним подозрительно, но за политическую силу не считает.

Альтернативисты как элитарная, идеологизированная и весьма мобильная группа в местной среде постоянных контактов не имеет. Альтернативисты стремятся лишь использовать местное население для поддержки собственных акций протеста против решений центральных местных властей, равно как и против «промпартии». Их главное отличие от всех остальных групп — в попытках спроектировать и реализовать идею альтернативных поселений/коммун, что является, на наш взгляд, очередной утопией.

Гражданские инициативы естественно наиболее глубоко укоренены в местной среде. Этапы этих взаимоотношений с Контекстом-3 суть уже упоминавшиеся классические стадии возникновения коллективного действия, превращения его в политическую борьбу, а затем и в элемент инвайронментального движения. Но не менее очевидна и другая динамика: их борьба против прежней власти закончилась вхождением в новые властные структуры, то есть институционализацией. Сегодня они, не будучи удовлетворены ни одной из наличных форм борьбы, пытаются действовать на границе между движениями и властью, формируя тем самым некоторое «пространство» внеинституционального действия.

Сходное положение и у прагматиков, с той только разницей, что видя сегодня растущую апатию населения и ощущая свое собственное бессилие как политиков, они ищут поддержки у других агентов нарождающегося гражданского общества.

Выводы

Экологическое движение и контекст. Проведенное исследование подтвердило плодотворность нашей концепции о необходимости различения трех контекстов: цивилизационного, макросоциального и ситуационного. Они относительно самостоятельны, факторы, определяющие их динамику и темпы изменений, различны, а главное — каждый из них или их комбинация по-разному воздействуют на выделенные нами элементы движения. Динамика всех трех контекстов лишь отчасти связана с этапами текущих российских реформ.

Хотя каждая из названных групп движения пребывает одновременно во всех трех контекстах, их взаимоотношения с каждым из них избирательны. В зависимости от ценностей, целей и форм социального действия значимость для группы того или иного контекста меняется.

Вместе с тем для всех групп и движения в целом существует феномен синкре-

тического, средового воздействия. Мы называем это средовым влиянием. Господствующий в обществе или его основных секторах взгляд на мир, состояние общественного мнения, тип политической культуры — все это виды средового контекста. Таким образом, развитие экодвижения есть совокупный результат взаимоотношений его отдельных групп и отдельных контекстов и общего (средового) воздействия контекста.

Внутренняя динамика экологического движения. Дифференциация — отличительная черта динамики движения за последние 7—8 лет. Она шла сразу же по нескольким направлениям: выдвижение этических императивов (глубокие экологисты) и поиски эффективности социального действия (гражданские инициативы), отторжение от государства (альтернативисты) и установка на создание альтернативного общества и т.д. Однако главным сдвигом было превращение природозащитного движения в инвайронментальное, то есть озабоченное состоянием всей среды обитания, как природной, так и социальной.

Политизация движения — один из признаков его превращения в инвайронментальное. При этом политизация не сводится к борьбе за власть, а заключается в выборе различных стратегий охраны и улучшения среды обитания. Отсюда политический радикализм той или иной экогруппы определяется не столько мощью протестных акций или прямых действий, сколько степенью ее приверженности новой экологической парадигме, которая предполагает коренную перестройку всей общественной системы.

Тактически каждый из трех выделенных нами типов контекста играет какую-то роль в динамике групп и движения в целом. Но стратегически ключевая роль в этой динамике групп и принадлежит Контексту-1, то есть соотношению ДСП/НЭП и, соответственно, их принятию/непринятию группой или движением. Рассмотренные выше варианты динамики «группа—контекст» позволяют заключить, что чем более группа/движение «укоренены» в цивилизованном контексте, тем более они резистентны по отношению к другим контекстам. Иными словами, чем больше группа исходит в своей деятельности из некоторой культурной парадигмы, например, НЭП, тем более она имеет внутреннюю логику развития.

Еще одно важное отличие динамики инвайронментального от других движений — наличие временного императива. Сроки реализации целей, которые оно себе ставит, заданы глобальной динамикой биосферы. Парадокс движения состоит в том, что это — работа на будущее, которое однако может не наступить вообще, если движение всеми силами не сумеет реализовать свои цели в определенные сроки в настоящем. Это противоречие одновременно — источник динамики движения и его перманентного кризиса. Исследование показало, что хотя НЭП все более определяет менталитет ядра движения, она теоретически до сих пор не артикулирована и тем более не переведена на язык стратегии и тактики социального действия.

Динамика движения определяется также диалогом и борьбой составляющих его групп. Источник этой борьбы — опять же различные позиции групп по отношению к ДСП/НЭП. Временами кажется, что движение окончательно раскололось на сторонников ДСП (прагматики) и сторонников НЭП (глубокие экологисты и альтернативисты). Однако повседневное социальное действие является тем каналом межгрупповой коммуникации, где их позиции постоянно сталкиваются и переосмысливаются. Этот межгрупповой «клуб» есть одновременно механизм освоения НЭП и ее операционализации, то есть выработки соответствующих стратегии и тактики действий.

Сегодня отчетливо прослеживаются две тенденции: ценностная — дрейф в сторону НЭП и политическая — усиление конфронтации с новым демократическим режимом. Этому сдвигу, с одной стороны, способствует осознание антиэкологических; позиций практически всего существующего политического спектра, начиная от демократических и национально-патриотических движений вплоть до промпартии и новой номенклатуры, с другой — глобализация экологических опасностей, усиление связи национального инвайронментального движения с международным.

Современный этап движения — это не кризис, а его глубокая реорганизация с целью выживания в условиях резко изменившейся макросоциальной и локальной ситуаций. Очевиден факт «сжатия» движения вследствие сокращения привычной ресурсной базы, усталости лидеров и ухода части активистов в политику и коммерцию. Но очевидна также воля к выживанию отдельных ветвей движения путем использования самых различных стратегий, начиная от «отступления» (уход в другую сферу деятельности, но с сохранением проэкологического менталитета) и «обороны» (минимизация потребления внешних ресурсов и мобилизация внутренних) до «наступления» путем выдвижения политических целей, отвечающих требованиям широких масс населения, и использования потенциала международного экологического сообщества.

Если придерживаться привычной классификации, то важнейшим политическим средством самосохранения движения является занятие им нашей внутриинституциональной политики, социальным—инвайронментализм, то есть выдвижение общечеловеческих и «биосферных» лозунгов, культурным — акцент на ценности здоровья, личной и групповой безопасности и, наконец, психологическим—лозунг «Выживем вместе!».

Движение и гражданское общество. Экодвижение — один из главных агентов формирования гражданского общества.

Во-первых, современные экологические инициативы являются прямыми наследниками ячеек гражданского общества начала XX века, которым удалось выжить в эпоху тоталитаризма. Во-вторых, эти инициативные группы уже несколько десятилетий являются самоконструируемыми и само-мобилизующимися. Для них, в отличие от многих других социальных движений, «перестройка сверху» не означала возникновения принципиально новой ситуации — она лишь существенно расширила поле возможностей их действия. В-третьих, групповая жизнь и групповое действие (по западной терминологии — ассоциированная жизнь) стали для экологов самостоятельной ценностью и даже образом жизни. В-четвертых, хотя эти и другие ценности российских экологов формально нельзя назвать постматериальными, по сути они именно таковыми являются. В-пятых, именно экологи выступили в защиту среды непосредственного обитания людей, то есть они стали выразителями интересов массы населения. В-шестых, хотя взаимодействие отдельных групп движения носит в основном тактический характер, в совокупности это означает формирование сети сообщества независимых субъектов, то есть «оазисов» гражданского общества. Еще более существенно, что эта сеть создает внутриинституциональное пространство социальной активности, не принадлежащее ни государству, ни сфере собственно гражданских институтов (семья, частное предпринимательство и проч.), но одновременно соединяющее их. Наконец, в-седьмых, хотя экологическое движение долгое время не выступало на политической арене как самостоятельная сила, противостоящая государству, фактически с момента своего зарождения оно таковой являлось.

Однако как раз это последнее обстоятельство делает современную ситуацию для выдвижения чрезвычайно трудной. Формирующееся в ходе реформ гражданское общество никак нельзя назвать проэкологическим. Новые предприниматели, демократические и национально-патриотические движения, 9/10 всей прессы, вновь возникшие общественные организации, почти вся постперестроечная политическая культура основаны на ДСП. Инвайронментальное движение уже вошло в конфликт с процессами приватизации и привлечения иностранного капитала. Поэтому те «острова» независимого социального действия, которые создает это движение, остаются пока чужеродными элементами. Хотя временные союзы движения с малым бизнесом, местной администрацией и другими субъектами этого, в сущности, все еще советского общества периодически имеют место, последние в сущности чужды стратегической линии движения, так как сегодня могут выжить только за счет еще большей эксплуатации природы, напряжения человеческих сил и загрязнения среды.

Эта ситуация отчужденности «экологического» гражданского общества сегодня может преодолеваться за счет потери его идентичности, то есть отказа от ключевых

проэкологических ценностей или герметизации ячеек движения, либо радикализации действий, не исключавших, к сожалению, экологического экстремизма и даже терроризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. American environmentalism: The US environmental movement, 1970—1990 / Dunlap R.E., Mertig A.G. (eds.). London: Taylor and Francis, 1992.
2. *McAdam D., McCarthy J., Zald M.* Social movements // Handbook of sociology. Newbury Park: Sage Publications, 1988. P. 695—737.
3. Social movements in an organizational society. Collected essays / Zald M., McCarthy J. (eds.) New Brunswick and Oxford: Transactions books, 1987.
4. *Яницкий О.М.* Экологические движения: методологические вопросы международных сопоставлений // Социол. исслед. 1991. № 10. С. 39.
5. *Touraine A., Dubet F., Hegedus Z. et al.* La methode de L'Intervention Sociologique. Paris: At. d'Intervention Sociologique, 1982.
6. *Яницкий О.Н.* Человеческий фактор и социально-воспроизводственные процессы // Рабочий класс и соврем. мир. 1986. № 4. С 41—44.
7. *Touraine A.* Return of the actor. Social theory in postindustrial society. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1988.
8. *Butterfield J., Sedatis J.* The emergence of social movements in the Soviet Union // Perestroika from below: Social movements in the Soviet Union. Oxford: Westview Press, 1991. P. 1—13.
9. *Яницкий О.Н.* Экологическое движение // Социол. исслед. 1989. № 6. С. 26—37.
10. *Offe C.* New social movements: Challenging the boundaries of Institutional politics // Social research. 1985. V. 52. N 4. P. 817—868.
11. *Лайнер Д.* Экология в Советской России (архипелаг свободы: заповедники и охрана природы). М.: Прогресс, 1991.
12. *Butterfield J., Weigle M.* Unofficial social Groups and regime response in the Soviet Union // Perestroika... P. 175—195.
13. *Arato A.* Social movements and civil society in the Soviet Union // Ibid. P. 197—213.
14. *Weigle M., Butterfield J.* Civil society in reforming communist regimes: the logic of emergence // Comparative politics. 1992. № 12. (forthcoming).
15. *Фомичев С.* Зеленые: взгляд изнутри // Политич. исслед. 1992. № 1—2. С. 238—245.
16. *Catton W., Dunlap R.* A new ecological paradigm for post-exuberant sociology // Amer. behavioral scientist. 1980. V. 24. N. 1. Sept.-Oct P. 15—47.
17. *Gamson W.* The strategy of social protest. Homewood. D: Dorsey Press, 1975.
18. *Ziegler Ch.* Environmental policy in the USSR. Amherst. MA: Univ. of Massachusetts Press, 1987.
19. *Pryde Ph.* Environmental management in the Soviet Union. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1991.